

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ
МЕЛКОВ

КАЛЕНДАРЬ ЧУЖОГО ВЕКА

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Алексей Мелков

Календарь чужого века

«Автор»

2026

Мелков А. В.

Календарь чужого века / А. В. Мелков — «Автор», 2026

Январь 2001 года. В доме влиятельного стратега Эдгара Вальдена переводчица Элен Марсо находит календарь, в котором расписано будущее на сто лет. Среди закрытых бумаг — имя её недавно погибшего брата. Элен передаёт запись тайной лекции российскому дипломату Андрею Воронцову. Вскоре отдельные даты начинают звучать в выступлениях скандального политика Владислава Ратникова. Когда первые совпадения становятся новостями, Воронцову приходится выяснять, кто предупредил мир об опасности, а кто сам назначил её срок. Расследование ведёт через дипломатические кабинеты, архивы разведки и разрушенные человеческие судьбы к договору, способному остановить войну. Но даже подлинный документ может оказаться частью чужой игры. Политический детектив об альтернативной истории, цене молчания и праве человека на будущее, которого нет в заранее составленном плане.

© Мелков А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог. Отведённое время	6
Глава 1. Последняя сверка	8
Глава 2. Дом, в котором не спорили	11
Глава 3. Журнал гостей	14
Глава 4. Ошибка в переводе	17
Глава 5. Домашний адрес	19
Глава 6. Семнадцатая кассета	21
Глава 7. Лист приёма	23
Глава 8. Цена безопасности	25
Глава 9. Граница на воде	27
Глава 10. Наследуемое время	29
Глава 11. Человек перед камерой	31
Глава 12. Закрытый эфир	33
Глава 13. Между окнами	35
Глава 14. Семьдесят третья страница	37
Глава 15. Условие выдачи	39
Глава 16. Совет без протокола	41
Глава 17. Человек с долговой книгой	43
Глава 18. Чужая смерть	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей Мелков

Календарь чужого века

От автора

Это произведение альтернативной истории. Эдгар Вальден и Владислав Ратников — вымышленные персонажи с самостоятельными биографиями. В их образах использованы узнаваемые черты публичных политиков и дипломатической культуры эпохи. Их частная жизнь, закрытые выступления, переписка и участие в описанных событиях придуманы для романа. Реплики героев не являются подлинными цитатами. Ложа «Меридиан», её календарь и связанные с ними преступления относятся к художественному миру книги.

Стамбульский мир, подписанный в этой книге 31 марта 2022 года, и последующая история его исполнения относятся к вымышленной линии событий. Автор не приписывает описанный заговор реальным масонским организациям, народам или религиозным общинам.

Пролог. Отведённое время

Стамбул. 31 марта 2022 года

Когда заговорили о мире, в коридоре пахло подгоревшим хлебом.

Кто-то оставил тост в маленькой комнате для сотрудников. Дверь распахнули, официант вынес тарелку, и люди, только что согласовавшие очередность отвода войск, посторонились, чтобы пропустить его. Андрей Воронцов запомнил эту нелепую учтивость. Через двадцать минут миру предстояло узнать, что стороны договорились прекратить огонь. Пока же весь коридор наблюдал, как молодой турок несёт обугленный хлеб двумя пальцами.

На экземпляре Воронцова ещё не высохла подпись руководителя делегации. Чернила слегка блестели. Андрей держал папку раскрытой, боясь смазать конец фамилии, и слушал заместителя специального представителя Аркадия Ланцова.

— Они назовут это нашим поражением, — говорил тот. — Пускай. Для своей публики каждому нужна подходящая вывеска.

— Срок вывода наблюдателей из спорных районов остался в приложении?

— Остался.

— Я просил его убрать.

Ланцов посмотрел на папку.

— Просили. Решили иначе.

На стене за его плечом показывали беззвучный прямой эфир. По дороге двигалась колонна грузовиков. Камера задержалась на солдате, который держал между коленями цветочный горшок. В горшке ничего не росло. Наверное, в нём лежало что-то маленькое, что легко потерять.

Воронцов отвёл глаза.

В переговорной он провёл две ночи. Теперь, когда слова «прекращение огня» наконец стояли в подписанном тексте, чувствовал только сухость во рту. Смысл сделанного ещё не доходил до него. Зато вполне доходило раздражение на тугую воротничок и на чужую поспешность: люди уже звонили, поздравляли, выбрасывали ненужные распечатки.

— Отдохните, Андрей Николаевич, — сказал Ланцов. — Сегодня можно.

Возле лифта Воронцова остановила сотрудница принимающей стороны. Она протянула конверт без логотипа.

— Вас просили передать лично.

— Кто?

Девушка указала в сторону лестницы. Там никого не было.

В конверте лежали две фотографии. На первой — загородный дом зимой, с высоким окном и полосой несчищенного снега на подоконнике. Андрей сразу узнал окно. На второй была страница, набранная на машинке. В верхнем углу стояло: «Приложение С. Издание для восточного участника».

Он прочитал один абзац.

«Ограниченная уступка территории создаёт политические условия для принятия паузы. Сохранение неурегулированного вопроса о гарантиях позволяет возобновить вооружённую фазу в удобный срок. Европа должна принять на себя расходы мира прежде, чем вновь принять расходы войны».

На обороте фотографий знакомым наклонным почерком было написано:

«Андрей, они опять дали тебе только половину страницы. Э.»

Он придержал конверт большим пальцем. Вдоль ногтя выступила белая полоса.

Элен Марсо считалась мёртвой одиннадцать лет.

Из переговорной вышел Ланцов, разговаривая по телефону. На слове «гарантии» он поднял голову и увидел конверт.

Его лицо не изменилось. Он лишь прикрыл ладонью микрофон.

— Что-нибудь срочное?

Воронцов впервые за много лет ответил начальнику без промедления:

— Личное.

И впервые за много лет это было правдой.

Глава 1. Последняя сверка

Лион. Декабрь 2000 года

Жюльен Марсо заметил лишние триста франков, когда уже надел пальто. Сумма стояла в графе дорожных расходов, где её быть не могло: владелец счёта никуда не ездил. Вернее, ездил, но по другому поручению и за другой счёт. Чтобы понять это, требовалось помнить две фамилии, написанные на обороте проездного документа. Жюльен помнил. Его всегда подводила память на мелочи.

Он вернулся к столу, не снимая пальто. Бухгалтерский зал опустел. В стекле напротив отражались четыре лампы и женщина с тележкой; она собирала бумагу для вторичной переработки и каждый вечер спрашивала, можно ли забрать корзину под его столом. Сегодня Жюльен попросил её оставить.

— Вы опять ночуете?

— Только проверю одну строку.

— Вы в прошлый раз тоже проверяли одну.

Она уехала, тихо постукивая ведром о металлическую стойку. За окнами пошёл снег, который на мостовой сразу превращался в воду.

К дорожным расходам был прикреплён акт об исполнении обязательства. Подписант получил вознаграждение за «своевременное подтверждение условий». Жюльен открыл приложение. Условия относились к смене управляющего небольшой инфраструктурной компании. Само по себе ничего необычного: сделки часто сопровождалась оплатой консультаций. Необычным было то, что акт подготовили до решения совета директоров. И ещё до смерти человека, которого в совете заменили.

Можно было объяснить всё сразу: предварительный проект, ошибка даты, обычная небрежность. Жюльен даже выписал эти объяснения. Он знал, как человеку нравится находить зло, когда оно оправдывает его усталость. Подозрение делало ночную работу значительной. Именно поэтому требовалось начинать с самого скучного.

Он открыл предыдущий месяц и нашёл ещё один акт. Потом третий. Формулировки совпадали до лишнего пробела перед точкой. Обязательства меняли владельцев, а тексты оставались, как будто новые люди входили в старые костюмы.

В десять вечера позвонила сестра.

— Ты ел?

— Да.

— Что?

Он посмотрел на коробку печенья.

— Курица.

— Сильно крошится?

Жюльен засмеялся. Элен угадывала его ложь по тому, как быстро он отвечал. Она звонила из Америки, жаловалась на сухой воздух в рабочей комнате и на то, что хозяин снова переписал уже переведённое предисловие. Её новая работа казалась ему хорошей: трудная, прилично оплачиваемая, без ежедневной борьбы за очередной заказ.

— Завтра пришлю тебе название фонда, — сказал он. — Посмотри только, попало ли оно в открытых бумагах. Не спрашивай никого специально.

— Ты говоришь так, словно уже знаешь, что я спрошу специально.

— Я знаю тебя.

— А что случилось?

— Клиент хочет расчёт на сто лет.

— Компания столько не проживёт.

— Не срок компании. Срок исполнения обязательств.

Она помолчала. Он услышал шорох бумаги и понял, что она записывает.

— Жюльен, не оставляй себе всю трудную часть.

— Ты тоже.

Когда разговор закончился, он удалил черновик письма с названием фонда. Утром соби-
рался поговорить с юристом. В его профессии существовало необходимое различие между
объяснением сестре и передачей чужих документов; до этого вечера различие представлялось
отвлечённым.

Реми Фальк принял его через день в кафе возле вокзала. Пришёл без шарфа, хотя было
холодно, заказал минеральную воду и прежде всего спросил, сделал ли Жюльен копии соб-
ственных замечаний.

— Я не собираюсь похищать архив.

— Я спросил про замечания. Ваши. Под которыми стоит ваше имя.

Жюльен достал конверт. Фальк взял верхний лист двумя пальцами и некоторое время
держал его на расстоянии, подбирая удобный угол для близоруких глаз.

— Вы не первый, кому предлагают удостоверить это.

— Кто был до меня?

— Человек, который теперь утверждает, что ничего не удостоверял.

— Почему его заявление не в деле?

— Потому что он отозвал заявление.

За соседним столом мальчик раскладывал на салфетке маленькие пластиковые машины.
Мать каждый раз убирала одну, чтобы поставить чашку, мальчик терпеливо возвращал её.
Жюльен вдруг устал от разговора, в котором нельзя было получить прямой ответ.

— Вы знаете о преступлении?

— Я знаю о договорах, которые опасаются собственного полного текста. Этого недоста-
точно для вашего вопроса. И достаточно, чтобы я не советовал вам подписывать.

Фальк предложил независимое хранение копий. Не эффектную посмертную рассылку
и не угрозу неизвестному противнику: обычное поручение с перечнем предметов, датами
поступления и понятными условиями выдачи. Жюльен спросил, почему нельзя передать всё
сразу.

— Можно передать то, что имеете право передавать, и тому, кто вправе принять. Но у
вас есть показания людей, согласившихся говорить только при определённых условиях. Если
вы нарушите их условия, дальше они будут бояться вас так же, как клиента.

Это был неприятный, взрослый ответ. Жюльен хотел, чтобы существовало одно действие,
после которого правота становилась безопасной.

Через неделю он подписал отказ удостоверить резервы преемственности. Не употребил
ни слова о заговоре. На четырёх страницах указал несоответствия между назначением средств,
описанием услуги и обстоятельствами её исполнения. Потребовал приложить отказ к каждой
редакции отчёта, где сохранялось его имя.

Ответ пришёл в тот же день. Томас Брей предлагал обсудить «затруднения, обусловлен-
ные неполнотой профессионального контекста». Жюльен прежде сам писал такие фразы и
знал, какое расстояние они позволяют поставить между людьми.

Брей ждал в гостинице, где ковёр поглощал шаги. В комнате заседаний стояли фрукты,
слишком красивые, чтобы кто-нибудь начал их есть.

— Вы неправильно поняли назначение расчёта, — сказал он.

— Тогда исправьте назначение.

— Это невозможно без пересмотра всего пакета.

— Значит, нужен пересмотр.

Брей повернул кольцо. На безымянном пальце осталась вдавленная красная полоска.

— Вы молодой человек. Вам кажется, что правильное слово сильнее обязательства.

— Под неправильным словом сейчас стоит моя подпись.

— Мы можем убрать вашу подпись.

Жюльен впервые поднял глаза от стола.

— С копий тоже?

— Мы можем устроить так, что ваше участие никому не потребуется.

За стеной зазвенели тарелки. Готовили зал для ужина. Брей подвинул к нему ещё один договор — о дополнительном вознаграждении и прекращении взаимных претензий. Место для подписи было отмечено бумажным флажком.

Жюльен не взял ручку.

Домой он вернулся поздно. Налил в кастрюлю воды, поставил на плиту и, пока вода грелась, написал сестре открытку. Обычную, с видом зимнего Лиона. Внизу добавил, чтобы она не принимала никаких обязательств от его имени. Перечитал и зачеркнул. Это была фраза для юриста. На открытке осталось: «Не обещай за меня приехать на Рождество. Сам ещё не знаю».

Утром он отправил Фальку второй пакет. Туда вошли не только найденные несоответствия, но и список собственных ошибок в предварительном отчёте. Ошибок оказалось пять. Жюльену было стыдно вкладывать их рядом с уликами, которые казались значительными. Потом он подумал, что стыд — плохой способ комплектовать архив.

Через несколько дней его автомобиль нашли возле дороги. В газетной заметке поместились возраст, профессия и предположение о гололёде. Строки, которые он проверял, продолжали переходить из одного отчёта в другой.

Глава 2. Дом, в котором не спорили

Массачусетс. 18 января 2001 года

За три часа до лекции Элен Марсо уронила коробку с карточками.

Она несла её из кабинета в библиотеку, прижимая локтем дверь. Нижний угол размок от воды, оставленной на столе садовником. Картон лопнул, и двенадцать лет чужих ссылок рассыпались по паркету.

Элен выругалась по-французски. Садовник заглянул из коридора, решил, что его не звали, и ушёл.

Карточки были разного цвета. Белые — книги, жёлтые — встречи, голубые — рукописи, которые нельзя выдавать без отдельного разрешения. Она уже полгода работала с архивом, но до голубых добралась впервые. Они находились в нижнем отделении коробки, под картонной прокладкой.

Элен присела. На одной карточке стояла фамилия её брата.

Жюльен Марсо. Аудитор. Погиб в автомобильной аварии возле Лиона четыре недели назад.

Запись была короткой: «М. Ж. Отказ от продления. Резерв преемственности — закрыть».

Она перечитала её, медленно положила на пол и повернула к свету. Картотека не могла относиться к автомобильной аварии. Жюльен проверял страховые резервы. В последнем разговоре он пожаловался на клиента, требовавшего подписать расчёты на сто лет вперёд, но тогда Элен подумала, что брат преувеличивает.

Сейчас она вспомнила, как он уточнил:

— Не срок компании. Срок исполнения обязательств.

Она собрала карточки, голубую убрала в нагрудный карман блузки и только после этого заметила, что за дверью стоит хозяин дома.

Эдгар Вальден не стал торопить её. Он ждал, пока Элен выпрямится, потом попросил принести в библиотеку карандаши. Ручки сегодня были не нужны.

Элен знала его биографию наизусть: родился в Базеле в 1927 году, двадцатидвухлетним приехал в Соединённые Штаты, защитил диссертацию о послевоенных союзах. Потом были университет, переговоры, должность специального посланника при двух администрациях и собственный Институт стратегического равновесия. В справке для гостей всё помещалось на одной странице. Архив, который она разбирала, занимал три комнаты.

Он говорил низко, с глуховатым немецким выговором, и иногда заставлял собеседника наклониться, чтобы расслышать окончание фразы. Толстые стёкла очков увеличивали глаза. На фотографиях рядом с президентами Вальден неизменно стоял вполоборота, словно уже собиравшись перейти к следующему разговору. Здесь, в доме под Бостоном, он мог по десять минут выбирать слово для чужой расшифровки. Элен прежде принимала эту медлительность за уважение к смыслу.

— Сколько человек?

— Девять.

— Как в списке?

— В списке восемь. Девятый придёт без фамилии.

Она кивнула. Работая помощницей, Элен научилась не спрашивать там, где вопрос лишь сделал бы отказ более заметным.

Ей было двадцать восемь. Она считала себя прежде всего переводчицей: немецкий, французский, английский, русский, которому научилась у бабушки из эмигрантской семьи. Вальден нанял её разбирать чужие пересказы собственных мыслей. «Люди часто улучшают мои фразы

до полной неузнаваемости», — сказал он на собеседовании. Элен понравилось это раздражение. Оно казалось профессиональным и потому честным.

Вечером она поставила на стол девять стаканов воды.

Первым приехал мужчина с разбитым суставом среднего пальца. Он долго снимал перчатку, придерживая её зубами. За ним женщина в сером привезла тонкую папку без застёжки. Остальных Элен видела раньше на приёмах: никаких масок, чёрных плащей, тростей с клинками. Они снимали пальто, спрашивали, не осталось ли кофе, обсуждали задержанные рейсы.

Последний гость вошёл через кухню. Он не назвал имени, но Элен узнала его по фотографии в старой бухгалтерской папке брата: Томас Брей, управляющий фонда «Меридиан».

Однажды Жюльен сказал о нём: «Этот человек оплачивает счета так, словно делает тебе одолжение».

Брей выбрал кресло спиной к окну. Прежде чем сесть, повернул на пальце кольцо печаткой внутрь. На миг Элен увидела циркуль и короткую поперечную линию.

Вальден начал без вступления:

— Столетний план переживает автора только в том случае, если наследники получают вместе с обязанностями выгоду.

Элен включила настольный магнитофон. По её рабочему заданию запись следовало расшифровать, сверить и уничтожить. Номер кассеты она внесла в журнал: семнадцать.

На стол положили карту Европы. Она состояла из полупрозрачных листов: трубопроводы, промышленные зоны, долговые обязательства, морские пути. Государственные границы имелись только на нижнем листе. Вальден снял его и отложил.

— Мы привыкли считать зависимость слабостью бедных. Для богатых она удобство. Удобство гораздо труднее отменить.

Мужчина с повреждённым пальцем спросил о России.

— Ей предложат выбирать между безопасностью и экономическими связями. Чем уже выбор, тем вероятнее, что она пожертвует связями. После этого объяснить европейцам необходимость разрыва будет значительно легче.

— Украина? — спросила женщина в сером.

Вальден не сразу ответил. Он посмотрел на Брея, словно предоставлял ему слово, но тот не шелохнулся.

— Самая опасная граница проходит там, где две стороны считают уступку отказом от самих себя. Украина способна стать таким пространством. Любая схема, которая использует её лишь как средство, потребует человеческих расходов, плохо поддающихся ограничению.

— Расходы предусмотрены, — сказал Брей.

Элен перестала печатать.

Вальден подождал, пока она снова положит пальцы на клавиши.

— Предусмотреть их в таблице недостаточно.

Разговор продолжился. Речь шла об ослаблении европейской промышленности, об изоляции России, о локальных войнах на Ближнем Востоке, о беженцах, которых в расчётах называли «перемещённым населением». Лектор несколько раз возвращался к тому, что расчёт не отменяет последствий. Элен не понимала, спорит ли он с гостями или обозначает пределы собственного участия.

В конце Брей открыл длинный лист, сложенный гармошкой.

— Теперь сроки.

На верхней полосе было напечатано: «2001–2100. Горизонт преемственности».

Она увидела даты. Число, месяц, год. Сначала решила, что это календарь заседаний. Потом прочитала строку напротив февраля 2022-го.

Карандаш покатился по столу. Никто не поднял его.

За окном садовник сыпал дорожку песком. Он двигался медленно, прихрамывая, и Элен неожиданно подумала, что через двадцать один год этого человека, скорее всего, уже не будет. А люди за столом назначали дела на время после его смерти с такой же уверенностью, с какой просили кофе.

Глава 3. Журнал гостей

Массачусетс. 19–24 января 2001 года

Утром после лекции в доме меняли лампу над лестницей. Электрик поставил стремянку так, что Элен пришлось пройти боком, прижимая папку к груди. Сверху посыпалась штукатурная пыль. Она машинально закрыла страницы ладонью и только потом поняла, насколько глупо это выглядит: от электрического мастера она защищала документы тщательнее, чем от людей, сидевших вчера в библиотеке.

В расшифровке оставались три места, которых она не расслышала. Обычно такие пропуски отмечали квадратными скобками, после чего лектор восстанавливал слова. Элен прослушала один фрагмент восемь раз. Мужской голос произносил название порта. Другой поправлял не название, а падеж: речь шла не о поставках через город, а о правах на его имущество.

Она оставила скобки.

К полудню за расшифровкой пришла женщина в сером. В журнале гостей её имя значилось как Элеонора Восс, консультант по обязательствам публичных организаций. На визитной карточке не было ни фонда, ни должности. Телефон и два адреса. Восс держала сумку на сгибе локтя, как человек, не планирующий задерживаться.

— Доктор ещё не сверил текст, — сказала Элен.

— Мне нужен рабочий.

— По инструкции выдаётся сверенный.

Восс посмотрела на скобки.

— Здесь можно написать «портовая инфраструктура».

— На плёнке другое.

— Это точнее передаёт смысл.

Элен отодвинула лист.

— Тогда я отмечу редакторскую замену.

Женщина впервые улыбнулась.

— Вы всегда так работаете?

— Стараюсь.

— Ваш брат тоже старался.

В коридоре упала отвёртка. Элен вздрогнула, и Восс перевела взгляд на дверь, будто хотела дать ей время прийти в себя.

— Вы знали Жюльена?

— Видела его на совещании. Он хорошо подготовился.

— К какому совещанию?

— По оценке резервов.

— Что он сказал?

Восс поставила сумку на пол. Ответ требовал уже другого положения тела.

— Что нельзя складывать обязательства с разными основаниями так, будто различается только срок. Это был справедливый вопрос.

— И что ему ответили?

— Что он вышел за пределы задания.

Она произнесла это без одобрения, но и без возмущения. Элен почувствовала желание схватить женщину за рукав. Не ради признания — чтобы задержать человека, который слышал голос брата позже неё.

— У вас сохранился протокол?

— Возможно.

— Пришлите.

— Я не обещаю.

Восс подняла сумку, оставила рабочую расшифровку на столе и ушла. Элен смотрела на визитную карточку. Ей казалось, что между двумя адресами должен быть третий, по которому можно найти настоящую женщину, свободную от осторожных фраз.

Вечером Вальден вернул текст с исправлениями. В месте, которое хотела заменить Восс, он оставил скобки и написал: «Уточнить по приложению». Элен спросила, где приложение.

— У составителей расчёта.

— Я могу запросить?

Он снял очки.

— Для какой работы?

Вопрос был простым. Она могла ответить правду, но правда уже вмещала голубую карточку, фамилию брата и несколько фотографий, которые она сделала, оставшись одна в архиве.

— Для точности перевода.

— Тогда запросите соответствующий фрагмент.

Он надел очки, и разговор закончился. Элен стояла ещё секунду. Она не знала, заметил ли он, как изменилась её работа, или давно заметил и теперь наблюдал, к чему это приведёт.

Запрошенный фрагмент пришёл через два дня. Вместо одной страницы ей по ошибке передали пакет с внутренней нумерацией. На семьдесят третьем листе стояла фамилия Воронцова.

Элен не сразу поняла, что список касается людей. Над ним было написано «Внешняя передача: предварительный выбор». Ниже шли функции: дипломатический доступ, профессиональная репутация, личная мотивация. Возле некоторых фамилий ставили оценку надёжности. Надёжность означала не способность хранить тайну. Человек считался подходящим, если можно было угадать, кому он её расскажет.

Она прочитала строку про российского дипломата. После неё — описание его служебной записки о людях, утративших документы. Автор приложения предполагал, что Воронцов восприимчив к историям о личной несправедливости и потому может принять сведения, поступившие в обход официального запроса.

Элен положила страницу на стол и долго не двигалась. В ней самой уже созрел ровно такой замысел. Найти порядочного человека. Рассказать о брате. Попросить помощи. Кто-то заранее описал её надежду как техническое свойство чужого характера.

В списке не было распоряжения знакомить их. Не было и её имени рядом с Воронцовым. Составитель перебирал варианты. Но Элен не знала тогда, насколько это различие окажется важным. Ей казалось, что стоит узнать фамилию — и уже нельзя встретиться случайно.

Она нашла открытую записку дипломата. Никаких высоких слов: разные виды утраченных документов, повторные обращения, люди, которым учреждения советовали обратиться туда, откуда они только что вернулись. На последней странице был случай женщины, не сумевшей похоронить мужа, потому что две страны по-разному писали его отчество. Воронцов предлагал временное решение и отдельно указывал, что ошибку чиновника нельзя обращать против заявителя.

Элен распечатала страницу. Перевела один абзац на французский — бесцельно, по привычке проверять смысл через другой язык. Потом сняла очки и растёрла переносицу.

На приём в Нью-Йорке её пригласили ещё в начале месяца. Имя Воронцова нашлось среди гостей. Она могла не ехать. Могла передать сведения анонимно, могла ждать ответа Восс. У каждого решения были причины, и ни одна не обещала спасти следующего человека.

Перед отъездом она вложила семьдесят третью страницу в отдельный конверт. На нём написала по-французски: «Сказать прежде, чем просить доверия». Затем убрала конверт в чемодан.

Вечером двадцать шестого января, уже выходя из гостиницы, Элен вернулась за перчатками. Конверт лежал поверх свитера. Она увидела собственную надпись, закрыла чемодан и нажала на крышку, чтобы сработал тугой замок.

Глава 4. Ошибка в переводе

Нью-Йорк. 26 января 2001 года

Андрей Воронцов познакомился с Элен из-за чужой ошибки.

На приёме в фонде международного сотрудничества хозяин сказал по-английски, что русским пора научиться жить без имперских обязательств. Переводчик превратил это в пожелание освободиться от исторической ответственности. Несколько человек одобрительно закивали.

— Он сказал другое, — произнесла женщина рядом с Андреем.

Она стояла возле окна, держа бокал за ножку. В стекле отражались её тёмные волосы и яркая полоса витрины с противоположной стороны улицы. Красивой её делала не правильность черт, а внимание: казалось, пока она смотрит на человека, ничего остального в комнате нет.

— Я знаю, — ответил Андрей по-русски.

— Тогда почему вы не поправили?

— Он рад своей ошибке. Теперь можно произнести приятный тост.

— И вы позволите?

Андрей посмотрел на неё внимательнее.

— Мы на приёме. Здесь люди редко отвечают за буквальный смысл.

— Вы тоже?

Воронцов улыбнулся. Ему было тридцать, он служил вторым секретарём российского представительства и уже усвоил, что подобные разговоры часто имеют автора, не участвующего в разговоре. Но улыбнулся он не по этой причине.

— Особенно я.

Она не поддержала шутку.

— Элен Марсо. Я работаю у доктора Вальдена.

Он представился. Элен сказала, что знает его фамилию: несколько месяцев назад читала подготовленную им записку о судьбе людей, оставшихся без документов после распада СССР.

Это насторожило больше, чем сама встреча. Записка была открытой, но почти никем не замеченной.

— Вы предлагали проверять каждую историю отдельно, — сказала она. — Даже когда это дорого.

— Иначе получится дешевле только на бумаге.

Теперь она улыбнулась.

Через четверть часа они вышли на крыльцо. Служебная машина Андрея застряла в пробке. Элен застёгивала пальто, не снимая перчаток, и никак не попадала пуговицей в петлю. Он помог. На миг они оказались близко, и Андрей уловил запах шерсти, холодного воздуха и едва заметных духов.

— Мне нужен человек, который умеет читать документы, — сказала она.

— Вы окружены такими людьми.

— Они умеют читать то, что им поручили.

Он убрал руку от её пальто.

— Что вы хотите мне передать?

— Пока ничего.

Такой ответ ему не понравился. В нём слышалась заранее подготовленная пауза.

— Элен, если вам нужна консультация, можно договориться о встрече в представительстве.

— Я не приду в представительство.

Подъехало такси. Она открыла дверцу, но не села.

— Мой брат погиб. Я думаю, это связано с его работой. У меня есть основания. И есть вещи, которые я пока не могу вам объяснить.

— Полиция?

— У полиции есть заключение об аварии.

— А у вас?

— Календарь.

Машина тронулась раньше, чем он успел спросить, что это значит.

Воронцов вернулся в здание. У окна, где стояла Элен, остался пустой бокал с небольшим сколом на основании. Он почему-то повернул его сколом к стене.

В ту ночь Андрей составил служебную запись о контакте. Указал имя, место работы, обстоятельства знакомства, содержание разговора. Последнюю фразу исправлял дважды. Сначала написал: «Женщина производит впечатление искренней». Потом зачеркнул. Оставил: «Достоверность сообщённого не установлена».

Утром его пригласил на кофе Павел Серёгин.

Официально Серёгин занимался вопросами военного сотрудничества. Неофициальное название его службы никто при Андрее не произносил. Позже Воронцов узнал, что тот был офицером ГРУ; в первое утро он знал лишь, что Серёгин прочитал его записку раньше непосредственного начальника.

— Хорошая бумага, — сказал Павел, ставя перед ним чашку. — Особенно зачёркнутая строчка.

Андрей замер.

— Я перепечатал.

— По тексту видно, где её вычеркнули. Не обижайтесь. Когда человек очень старается не сообщить, что ему понравилась женщина, это обычно и получается главным сообщением.

Серёгин выглядел старше своих сорока двух лет: тяжёлые веки, ранняя седина, плохо заживший порез возле подбородка. Он налил себе чай из небольшого термоса.

— Продолжать знакомство будете?

— Вы предлагаете?

— Я спрашиваю.

— Буду.

— Тогда запомните одну вещь. Искренность человека ничего не говорит о происхождении бумаги, которую он принёс. Ей тоже могли поверить за вас.

Глава 5. Домашний адрес

Нью-Йорк — Москва. Конец января 2001 года

Дочь просила показать снег. Воронцов поднёс телефон к окну и только после её смеха сообразил, что держит обыкновенную трубку, по которой ничего нельзя показать. Кате было три года. Она считала отцовские отъезды разновидностью прятков и каждый раз спрашивала, почему он так долго не выходит.

— У нас тоже снег, — сообщила она. — Мама сказала, везде одинаковый.

— Наверное, мама права.

— А ты проверь.

Трубку взяла Ирина. В её голосе слышалась ванная: гул воды, отражение от кафеля. Она пыталась вымыть ребёнку голову и одновременно выяснить, когда Андрей пришлёт доверенность для поездки.

— Завтра занесу.

— Ты уже в понедельник заносил.

— В понедельник согласовывал текст.

— Нам надо не согласованный. Нам надо с подписью.

Она сказала это устало, без старой злости. Воронцову было легче, когда злилась: тогда можно было считать, что между ними всё ещё происходит важный разговор. Теперь важными оставались почта, деньги, билеты и болезнь дочери, о которой ему сообщали после того, как температура спадала.

Развод случился до американской командировки. Андрей не связывал его с работой, но это тоже было удобной формулировкой. Не работа заставляла его забывать, что Ирина просила купить. Не ведомство отвечало «через десять минут», зная, что домой он попадёт к полуночи. Служба лишь предлагала словам достаточно серьёзное оправдание.

Он нашёл бланк доверенности и убрал в портфель поверх папки с записью нового контакта. Два листа соприкоснулись. Утром он понёс их в разные кабинеты и вдруг понял, что в первом будет вынужден точно описывать, кому что разрешает, а во втором пока даже не знает, какого разрешения ждут от него.

Серёгин назначил встречу без завтрака. Кофе Андрей уже пил; от второй чашки начинало стучать в висках.

— Расскажите про Марсо без записки, — попросил Павел.

Воронцов повторил разговор у окна. Серёгин спросил, какие слова Элен произнесла по-русски, какие по-английски. Попросил вспомнить, была ли рядом официантка, кто первым предложил выйти и назвала ли женщина календарь до сообщения о смерти брата.

— Вы хотите проверить последовательность?

— Пока хочу, чтобы вы заметили, где она у вас уже стала рассказом.

Андрей раздражённо откинулся.

— Я умею составлять записи.

— Именно. Умение часто стирает затруднения. В записке люди говорят законченными предложениями, хотя на деле вы за ними половину достроили.

Павел не был похож на наставника из фильмов. Он уставал, забывал фамилии, однажды в середине беседы начал искать зажигалку, хотя бросил курить полгода назад. Но рядом с ним Андрей чувствовал неприятную свободу: можно было признаться, что не помнишь.

Они составили второй лист. В нём появились разрывы: не уверен, сказал сам, смысл восстановлен позднее. Лист выглядел хуже первого и содержал меньше лжи.

— Теперь о вас, — сказал Серёгин.

— Что именно?

— Она вам нравится.

— Это уже было.

— Теперь это не наблюдение. Условие работы. Если продолжите встречи, вы не должны быть единственным человеком, который оценивает её сведения.

— Вы предлагаете прекратить личное знакомство?

— Нет. Я предлагаю не выдавать личное знакомство за проверку.

Воронцов согласился слишком быстро. Павел заметил и не стал ловить его на этом. Достал другую папку: открытые сведения о Жюльене, газетная заметка, название аудиторской фирмы. Очень мало для смерти, вокруг которой уже выросли чужие ожидания.

— Пока подтверждены работа и авария. Всё остальное — предмет вопросов.

— Когда можно будет получить больше?

— Не обещаю срока.

Андрей посмотрел на доверенность, выглядывавшую из портфеля.

— Срок всегда кто-нибудь ждёт.

— Знаю. Поэтому не обещаю.

После встречи он нашёл человека, который мог удостоверить подпись, дождался его обещанного перерыва и отправил бумагу Ирине. Это заняло сорок минут. Труднее оказалось написать короткое сообщение: «Ты была права. Задержал я».

Вечером позвонила Элен. Она спросила, можно ли встретиться в субботу. Воронцов предложил ресторан, куда обычно ходили сотрудники представительства. Элен отказалась.

— Вы знаете там всех официантов?

— Не всех.

— А они вас?

Он назвал другое место.

После разговора долго стоял у окна. На противоположной стороне улицы мужчина пытался вытащить из сугроба велосипед. Рядом женщина держала бумажные пакеты и смеялась. Они никак не могли решить, нужно ли помогать вдвоём или одному перестать мешать.

Андрей вышел на улицу, сфотографировал снег одноразовым аппаратом, купленным для служебной поездки, и подписал на конверте с плёнкой: «Кате. Проверил».

Фотографии пришли в Москву через две недели. Дочь увидела их позже кассеты, которую уже слушали люди, не знавшие ни её возраста, ни её просьбы. Для Воронцова обе передачи начинались почти в один день. Дальше они разошлись на двадцать лет.

Глава 6. Семнадцатая кассета

Массачусетс — Нью-Йорк. Февраль 2001 года

Кассета оказалась обычной. Восемьдесят минут, прозрачный корпус, белая наклейка с цифрой семнадцать. Андрей ожидал увидеть что-то, соответствующее опасности, и испытал нелепое разочарование.

Элен положила её между тарелками в маленьком итальянском ресторане.

— Это копия. Подлинник у них.

— Почему вы не принесли сразу?

— Я хотела понять, что там сказано.

— И поняли?

Она покачала головой.

— Я поняла, что не смогу одна.

Кроме кассеты, она принесла расшифровку и семь фотографий. На одной была страница с фамилией брата. На другой — обложка устава закрытой ложи «Меридиан». Устав говорил о братстве, нравственном совершенствовании и преемственности служения; финансовое приложение предусматривало распределение доходов между попечителями трёх фондов.

— Они масоны? — спросил Андрей.

— Эти — да. По крайней мере, называют себя так. Жюльен считал, что старую ложу купили вместе с её юристами и благотворительными счетами. Большинство людей, чьи фамилии стоят в списках, ничего не знают о закрытом совете.

— Тогда зачем символы?

— Не знаю. Брат говорил: человеку легче исполнять сомнительное обязательство, если он дал красивую клятву.

Она рассказывала негромко, иногда останавливаясь, чтобы найти точное русское слово. Андрей заметил, что Элен не просит его верить. Наоборот, сама указывает слабые места: карточка может относиться к другому Марсо; голос на плёнке ещё ничего не доказывает; составление плана не означает возможности его исполнить.

Это действовало на него сильнее уверенности.

У края фотографии календаря сохранилась часть соседнего листа. Андрей увидел две английские буквы: CR.

— Что это?

— Не знаю. Я фотографировала быстро.

— А буква С возле некоторых строк?

Элен перевернула снимок.

— Возможно, комментарий к версии. У них несколько редакций. Жюльен спорил как раз о версиях.

Он впервые услышал в её голосе усталость, которой не было на приёме. Теперь она держала плечи неровно, будто пальто всё ещё висело на одном из них.

— Вы продолжаете работать в доме?

— Да.

— Это опасно.

— Мне нечего делать с этим словом, Андрей. Скажите лучше, что вы можете проверить.

В тот же вечер кассету принял Серёгин. Вместе с ним приехал технический специалист, чью фамилию Андрею не назвали. Он переписал маркировку, осмотрел корпус, попросил не включать запись до копирования.

— Голос можно подтвердить? — спросил Воронцов.

— Можно оценить сходство. Самого человека здесь нет. Монтаж на копии тоже не всегда виден. Не спешите получать от нас слово, после которого вам станет легче.

Андрея задел тон, но позже он был благодарен именно за него.

Серёгин слушал запись в наушниках. На восьмой минуте снял их и предложил Воронцову.

Женский голос задавал вопрос о промышленности. Затем раздался характерный низкий голос лектора. Андрей знал его по телевидению, однако близость записи действовала иначе: были слышны щелчок футляра, стакан, который поставили слишком резко, далёкое движение двери.

После рассуждения о европейской зависимости другой голос прочитал дату: 24 февраля 2022 года.

Андрей посмотрел на Серёгина.

— Через двадцать один год?

— Именно поэтому материал могут списать на мистификацию. Или, наоборот, поверить без меры. Нам нельзя ни то ни другое.

На следующей странице расшифровки говорилось об Украине, разрыве российского и европейского экономических пространств и о том, что короткая война может оказаться недостаточной для финансового переустройства континента.

Воронцов дочитал и потёр лицо ладонями.

— Отправьте в Москву?

— С происхождением, сомнениями и всем, что не удалось проверить.

— Элен?

— В донесении будет её имя. Она должна об этом знать.

Андрей позвонил ей из рабочего кабинета. Элен выслушала молча. Потом спросила:

— Вы сами читали семьдесят третью страницу?

— У меня только сорок восемь.

Пауза длилась так долго, что он проверил, не прервалась ли связь.

— Значит, я пока правильно сделала, — произнесла она.

— Что?

— Не принесла вам всё.

На следующий день Воронцов попросил показать журнал регистрации. Рядом с датой отправки пакета он поставил подпись свидетеля упаковки. Для него это было первым действием, которое нельзя было отменить последующим объяснением.

Серёгин убрал папку в сейф.

— Теперь, — сказал он, — бумага начнёт жить отдельно от людей, которые её добыли.

Глава 7. Лист приёма

Нью-Йорк. Февраль — март 2001 года

Технический специалист вернул кассету в новом прозрачном пакете. На прежней наклейке осталось пятно от чужого пальца, не имевшее для Андрея никакого значения. Специалист записал и пятно.

Его звали Дмитрий Чернов. Фамилию Воронцов узнал позднее, когда Павел однажды попросил позвать Диму из соседнего кабинета. До этого несколько недель они говорили, избегая обращения, и оттого самый молодой человек в комнате казался старшим.

— Что получилось? — спросил Андрей.

Чернов разложил три листа. На первом перечислялись предметы, на втором — действия с записью, на третьем — ограничения исследования. Воронцов сразу потянулся к третьему. Дмитрий придержал его рукой.

— Читайте с начала. Иначе опять получится, что главное у нас то, чего мы не можем.

Выяснилось, что две копии, сделанные в разное время, содержали одну последовательность разговора. При этом в конце записи имелся короткий участок, происхождение которого оставалось неясным: музыка из другой комнаты, смех, чьи-то шаги. Никакой тайной команды Чернов там не нашёл. Он вообще не искал команд, если его спрашивали о записи.

— Вы могли определить день лекции?

— По звуку — нет.

— Но на записи называют погоду, предстоящий приём...

— Это то, что люди говорят о дне. Дата существования носителя подтверждается другим путём.

Дмитрий произнёс это терпеливо. Андрей понял, что тот уже объяснял то же самое Серёгину и теперь проверяет, какую часть объяснения придётся повторить начальству.

Павел достал лист приёма. В нём было место для подписи лица, передавшего материал, и отдельная строка для лица, сообщившего сведения о его наличии. Вторая строка оставалась в закрытой части регистрации, которой Андрей тогда не видел.

— Мне подписать здесь?

— Только то, что сами передали.

Воронцов расписался. Он запомнил тяжёлую ручку, свет из окна и то, как Чернов отложил кассету, не желая класть её поверх бумаги с ещё влажными чернилами. Через десять лет память об этой минуте станет для него мучительнее содержания плёнки. Он будет вспоминать не дату, а то, почему не попросил перевернуть лист.

В Москве пакет приняли без торжественности. Серёгин рассказал об этом вечером, зайдя к Андрею после совещания. От экспертов поступили вопросы: нет ли у источника финансового спора, кто подготовил расшифровку, почему выбраны именно эти страницы, известны ли другие версии календаря.

— Они считают нас доверчивыми?

— Они делают то, за что им платят.

— А если из-за проверки мы потеряем время?

Павел снял пиджак и повесил на спинку стула. Под мышкой рубашка потемнела. Воронцов впервые заметил, что друг с трудом переносит напряжение не только лицом, но и всем телом.

— Потеряем, — сказал Серёгин. — Если вообще ничего не станем проверять, тоже потеряем. Только сначала этого не заметим.

На третий день после отправки Элен сообщила, что в доме ей предложили продлить контракт. Условия неожиданно улучшили. Ещё неделю назад замечали каждую лишнюю поездку; теперь добавили дни для собственной исследовательской работы.

— Может, это не связано, — сказала она.

— Может.

Оба слишком хорошо слышали облегчение в собственных голосах.

Андрей предложил встретиться. Элен отказалась: у неё был вечер с гостями. Он понял, что ревнует к комнате, а не к человеку. В этой комнате она узнавала больше, чем могла ему рассказать, и каждый раз решала одна, сколько он выдержит.

Тем временем Чернов обнаружил расхождение в расшифровке. В одном экземпляре фраза о сроке европейского кредита заканчивалась словом «пересмотр». В другом — «переход». Андрей вернулся к своему переводу. У него стояло «пересмотр».

— Откуда второй экземпляр?

— Пришёл сверху на сверку.

— До нашего?

Дмитрий пожал плечами.

— Дата сопроводительного письма позднее. Дату появления текста я не знаю.

Они написали вопрос о происхождении второй редакции. Ответ содержал ссылку на независимый аналитический канал. Ни источника, ни записи, по которой можно было бы проверить перевод, к ответу не приложили.

Серёгин попросил продолжить сравнение. У него ещё не было оснований обвинять собственных коллег. Было неприятное ощущение, что работа обрастает самостоятельными копиями быстрее, чем они успевают установить происхождение первой.

— Если у них тоже есть источник, это хорошо, — сказал Андрей.

— Если тоже есть источник, хорошо, — повторил Павел. — Если тот же источник ходит вокруг нас по кругу, плохо.

В тот вечер они впервые нарисовали схему передачи. Никаких фамилий противников: Элен, Воронцов, Серёгин, регистрация, аналитическая группа. От каждой стрелки отходил вопрос о документе, который её подтверждает. В двух местах подтверждения не было. Андрей хотел соединить линию пунктиром.

Павел остановил его.

— Оставь разрыв. Пунктир слишком похож на дорогу.

Воронцов сложил лист и убрал его отдельно от календаря. Он ещё не знал, что через много лет именно этот разрыв позволит отличить предупреждение от заранее устроенной передачи.

Глава 8. Цена безопасности

Массачусетс. Март 2001 года

На вторую лекцию Элен опоздала на четыре минуты. По дороге из города сломался автобус. В доме никто не спросил, почему она задержалась. Только Брей посмотрел на часы, а потом на журнал, в котором она отмечала начало записи.

Вальден стоял у карты. На этот раз государственные границы оставили на месте. Поверх них лежали маленькие прямоугольники бумаги, обозначающие гарантии, кредиты, поставки и страхование. Когда двигали один, соседние сдвигались вместе с ним.

— Если европейская страна платит за собственную безопасность через союз, — спросил Хейл, — почему она должна согласиться платить ещё раз через частного гаранта?

— Потому что обязательства возникают в разное время, — ответил лектор. — Человек, подписавший первое, может уже не занимать должность. Придёт второй и будет объяснять, что исправляет положение, созданное первым.

— Значит, главное — выборы?

— Главное — не воображать, что выборы превращают государство в нового должника без прошлого.

Элен поставила перед каждым воду. У одного гостя была собственная бутылка. Он отказался от стакана, но принял шоколад из общей тарелки. Такие мелочи мешали воспринимать собрание как единый разум: у людей были частные страхи, часто нелепые.

Вальден говорил об обязательствах, которые переживают политическую биографию подписанта. Не обещал, что правительства обязательно уступят. Перечислял причины, по которым они сопротивляются: выборы, конкурирующие элиты, общественное недоверие, собственные ведомства, простое нежелание нового руководителя исполнять волю прежнего.

Брей записывал только те места, где сопротивление могло ослабнуть.

— Кризис сокращает время обсуждения, — заметил он.

— И повышает вероятность ошибочного решения.

— Ошибка одного участника может создать устойчивость для другого.

Лектор посмотрел на него поверх очков.

— Вы слишком часто считаете устойчивостью положение, которое пока выгодно вам.

Элен услышала раздражение. Раньше оно показалось бы доказательством дистанции между ними. Теперь она уже не знала, сколько раздражения совместимо с продолжением общей работы.

Восс спросила, можно ли включать в единый расчёт гарантию безопасности и право управления инфраструктурой. Вальден попросил показать формулировку. Прочитал, покачал головой.

— Вы предлагаете два разных политических решения как одно хозяйственное условие. В благоприятный момент это могут не заметить. Потом заметят обязательно.

— Нас интересует благоприятный момент, — сказал Брей.

— А жить вы предполагаете только в нём?

Никто не засмеялся. Элен поставила в расшифровке паузу. Не знала ещё, сохранят ли её в сверенном тексте.

После перерыва обсуждали российское направление. Один из гостей утверждал, что длительная изоляция сделает любой обходной маршрут ценным. Другой возражал: она же может заставить строить собственные связи и уменьшить зависимость от прежних посредников. Спор длился двадцать минут. В календарной справке, подготовленной позже, останется только первый тезис.

Элен заметила, как это происходит. Хейл вышел позвонить. Восс попросила отложить численную оценку. Брей продиктовал рабочий итог человеку, который не присутствовал при половине возражений. Итог был не выдуман целиком. Он состоял из сказанного, лишённого условий.

Когда гости разошлись, Элен спросила Вальдена, следует ли переносить возражения в приложение или оставлять в основном тексте.

— В основном.

— В прошлой справке их сократили.

Он попросил показать. Она положила перед ним два листа. Сокращение стало видно сразу, без толкования.

— Кто готовил?

— Мне передали как итог совета.

Вальден долго смотрел на листы, затем написал на полях требование сохранить оговорки. Элен почувствовала облегчение, почти благодарность. Потом подумала, что благодарит человека за возвращение смысла в его собственные слова.

Вечером она скопировала разрешённую рабочую часть для сверки и отдельно записала последовательность изменений. Передать новый материал Андрею сразу не решилась: после первой кассеты любую добавку можно было воспринять как подтверждение уже принятой версии. Она хотела сначала понять, что именно приносит — сведения о замысле или ещё один отредактированный рассказ.

В блокноте появилась фраза: «Они спорят. Показать, что спорят». Элен подчеркнула её. Ей самой всё сильнее хотелось единого врага, потому что с ним легче объяснить гибель брата. Но сегодня в комнате девять человек не могли согласовать даже цену собственного предположения.

Глава 9. Граница на воде

Массачусетс. Апрель 2001 года

Дождь шёл с утра. В библиотеке пахло мокрой шерстью. Один из гостей оставил зонт раскрытым в коридоре, и Элен дважды задела его подносом. Она убрала зонт в прихожую и вернулась к разговору, в котором люди обсуждали, как далеко могут уйти из дома другие люди.

На карте Ближнего Востока красным карандашом отметили несколько возможных узлов кризиса. Точных военных операций не называли. Обсуждали политические последствия: удорожание безопасности, разрыв торговли, внутреннее давление, перемещение населения. Брей требовал чисел, эксперты отвечали диапазонами.

— Диапазон нельзя привязать к обязательству, — сказал он.

— Тогда не привязывайте, — ответила Восс.

Вальден попросил перестать спорить о таблице раньше содержания. Объяснил, что вынужденное перемещение людей меняет не только бюджет страны, куда они приезжают. Меняет школы, местную политику, семейные связи, представление жителей о собственном будущем. Ни одно из этих изменений нельзя вывести из количества людей без множества дополнительных условий.

Хейл спросил, можно ли заранее подготовить инфраструктуру размещения так, чтобы получить преимущество при кризисе. Ответ был утвердительным: готовиться к помощи можно и нужно. Брей сразу уточнил вопрос о гарантированном использовании оплаченных мощностей.

— Если кризис не наступит, — сказал лектор, — вам придётся принять убыток или найти другое применение.

— Наши участники не для того резервируют средства на двадцать лет, чтобы зависеть от случая.

— Они всё равно будут зависеть от случая. Ещё и от чужой воли.

Элен набирала текст и чувствовала, как знакомая логика разворачивается перед ней: сначала создают обязательство на случай беды, потом беда начинает выглядеть условием хорошего исполнения. Она не могла определить, кто из присутствующих готов пойти дальше этой мысли. Но сама мысль уже лежала на столе, и никто не поднялся из-за него.

В разговоре появилась Европа. Часть гостей предполагала, что спор о миграции усилит внутренние противоречия и облегчит пересмотр прежних гарантий. Другие считали вероятным обратное — объединение перед общей задачей. Вальден несколько раз возвращал обсуждение к различию между кризисом и реакцией на него.

Брей попросил выключить запись на время финансовой части. Элен убрала руки с клавиатуры.

— Мне оставаться?

— Да. Составите отдельную запись без расшифровки.

Она посмотрела на хозяина дома. Тот не возразил.

В этой маленькой процедуре не было тайны, достойной фильма. Просто один способ фиксации заменили другим, более удобным для составителя. Элен вдруг поняла, сколько раз прежде сама выполняла такую просьбу, не спрашивая, почему разговор требует другой памяти.

На финансовой части обсуждали не людей, а мощности: койко-места, транспорт, страховое покрытие, временное управление. Цифры были предварительными. На одном листе стояла первая неделя сентября 2015 года. Элен спросила, что именно означает срок, необходимый для правильного перевода.

— Начало целевого периода, — ответил Брей.

— Периода готовности или периода использования?

Он посмотрел на неё впервые за вечер.

— Запишите как указано.

Она записала вопрос и отсутствие уточнения.

Позже Элен выйдет из библиотеки и увидит садовника, который сушит над батареей насквозь мокрые носки. Он извинится, что занял служебную комнату. Она скажет, что здесь и нужно сушить. Принесёт ему чай, задержится на несколько минут и будет слушать жалобу на протекающую крышу сарая.

Потом много раз станет вспоминать этот чай как доказательство, что не превратилась в человека из таблицы. Ей потребуется два десятилетия, чтобы признать: добрый поступок в соседней комнате не отменяет того, что ты разрешил себе делать в основной.

В мае она передаст Андрею несколько дополнительных страниц, сохранив вопросы и пропуски. Семьдесят третью страницу опять оставит у себя. Даже увидев, как сокращением управляют другими, она ещё будет считать собственное исключение вынужденным.

Глава 10. Наследуемое время

Массачусетс. Май 2001 года

К последней весенней встрече Брей заказал новые папки. Тёмно-синие, с металлическими уголками. На каждой стоял номер, совпадавший с местом владельца в совете. Элен получила нумерованный экземпляр для работы. В нём отсутствовали финансовые приложения.

Она заметила отсутствие сразу. Сделала вид, что заметила только удобную закладку.

Обсуждение начали с 2100 года. Вальден попросил объяснить, почему выбрана именно эта дата. Брей ответил, что столетие создаёт завершённый горизонт.

— Для книги, — сказал лектор. — Для обязательства нужно основание.

— Преемники должны понимать, что принимают целое.

— Преемники будут понимать то, что увидят. Если вы покажете им только чистую версию, они унаследуют вашу уверенность без ваших сомнений.

Элен записала фразу целиком. Брей не возражал. Он умел терпеть критику, пока она оставалась частью разговора, который он затем предъявит по собственному выбору.

Восс принесла замечания к срокам 2061 и 2089 годов. Некоторые договорные механизмы не позволяли заранее установить то, что от них ожидали; другие могли прекратиться гораздо раньше. Она предложила записывать дальние числа как сроки пересмотра, а не события, которые обязуются произвести.

— Это ослабляет дисциплину, — сказал человек справа от Брея.

— Это описывает предмет, который вы подписываете.

Хейл поддержал её. У него не было желания превращать дочь в исполнителя собственной посмертной роли. Брей заметил, что участие добровольно. Хейл спросил, почему выход сопровождается такими потерями. В комнате впервые начали говорить о наследстве без торжественного слова «преемственность».

Вальден слушал дольше обычного. Потом спросил, кому принадлежит право изменить план, если обстоятельства сделали его разрушительным для самих участников.

Брей назвал совет.

— А если совет получает доход от сохранения прежнего решения?

— Участники обязаны учитывать долгосрочную устойчивость.

— Вы только что описали заинтересованность как гарантию её преодоления.

Элен почувствовала удовольствие от точного возражения и тут же насторожилась. Красивый спор легко позволял забыть, что все продолжали работать над одним документом.

После заседания Вальден попросил её остаться. Поинтересовался, не слишком ли тяжёлая нагрузка. Она ответила, что справляется. Он сказал, что может дать ей дополнительного помощника.

Это звучало как забота. Могло быть заботой. Элен всё равно представила человека, который будет видеть каждый её лист раньше, чем она решит, куда его положить.

— Пока не нужно, — сказала она.

— Вы должны уметь делиться работой.

— Я учусь.

Он внимательно посмотрел на неё, но больше ничего не спросил.

В комнате для сотрудников она открыла свою папку. Последняя страница содержала короткое положение об ответственности составителей переводов. Никаких угроз. Просто обязанность обеспечивать точность версий, передаваемых участникам. Элен достала предыдущий экземпляр и сравнила. В новой редакции ответственность за полноту исходного материала исчезла. Оставалась ответственность переводчика за точность того, что ему дали.

Она написала замечание. Передала через обычный порядок. Получила ответ, что исходный материал не относится к её компетенции.

Вечером долго не могла набрать номер Андрея. Хотела рассказать о новой оговорке, но знала, что разговор неизбежно приблизится к тому, чего она сама не выдала. Вместо звонка отправила короткое письмо о датах следующей поездки.

Воронцов ответил почти сразу. Его приглашали в Москву на консультации. Он ещё не знал, что там предстоит встреча с Ратниковым. Она ещё не знала, какую версию положат перед политиком. Оба чувствовали, что работа движется, и это движение некоторое время позволяло не замечать, кто определяет её направление.

Глава 11. Человек перед камерой

Москва. Июнь 2001 года

В кабинете Владислава Ратникова было слишком жарко. Форточку заклинило. Помощник дважды пытался повернуть ручку и ушёл за кем-то более уверенным.

Владислав Аркадьевич возглавлял «Народно-державный союз». На стене висела морская карта, оставшаяся, по его словам, от отца, портового инженера. Ратников родился в Новоросийске в 1950 году, учился на юриста и до большой политики разбирал внешнеторговые споры. Андрей вспомнил это только сейчас, увидев возле руки хозяина раскрытый справочник по договорному праву. По телевизору справочников не показывали.

Свой союз он собрал в начале девяностых из людей, которым обещал вернуть государству голос. К 2001 году этот голос давно путали с его собственным: резким, насмешливым, легко перекрывавшим студийный шум. Андрей видел, как Ратников хлопал ладонью по столу, спорил сразу с тремя участниками передачи и вдруг называл подробность, после которой все умолкали. Сейчас на краю стола сохла аккуратно расправленная промокательная бумага.

Ратников листал документы, положив очки поверх второй папки. Он не повышал голоса. Воронцову, привыкшему к телевизионному образу, эта деловитая тишина казалась почти неуместной.

— Значит, мне дали сокращённый вариант, — сказал он.

Генерал Виктор Рогов, через которого материалы военной разведки дошли до этой встречи, чуть наклонил голову.

— Аналитическое извлечение.

— Это я вижу. А кто определил, что мне можно извлечь?

Рогов улыбнулся. Улыбка не нашла собеседника.

На встречу Андрея вызвали как человека, получившего материал от источника. Он приехал в Москву на служебные консультации и до последнего утра не знал, с кем предстоит говорить. Серёгин сидел рядом, держал руки на коленях и молчал.

Ратников прочитал вслух заголовок про Европу, затем перевернул лист.

— Я это слышал и раньше. С датами — впервые. Вы, молодой человек, верите?

— Я верю, что лекция была записана до событий, о которых в ней говорится. Их осуществимость мы пока оценить не можем.

— Осторожно ответили. Человека, который вам это дал, жалко?

— Да.

— Вот это уже ответ.

Он надел очки и долго изучал снимок календаря. Кончиком карандаша провёл по правому краю.

— Обрезано.

— Так была сделана фотография, — сказал Рогов.

— Я не спрашиваю, как. Я говорю: здесь ещё одна колонка. Дата, событие, затем что-то третье. Кто-нибудь видел?

Андрей почувствовал, как Серёгин слегка повернул голову.

— Нет, — ответил Воронцов.

Ратников написал на отдельном листке: «Кому выгодно, чтобы мы знали?» Подчеркнул «знали» и отодвинул карандаш.

— Вы предполагаете говорить об этом публично? — спросил Рогов.

— Вы ведь за этим пришли.

— Мы пришли за оценкой.

— Оценка вам уже дана. Теперь слушайте другую. Если рассказать про тайную кассету и ложу, все запомнят ложу. Если назвать дату, запомнят меня. Когда дата наступит, попросят следующую. Вам этого хочется?

Рогов посмотрел на Серёгина. Тот не помог.

— Есть смысл заранее обозначить угрозы, — сказал генерал.

— Есть. Только предупреждение должно позволять человеку что-то сделать. А когда ему говорят, что всё решено на сто лет, он остаётся зрителем.

Помощник вернулся с отвёрткой. Ратников подождал, пока тот откроет форточку, и лишь потом закрыл папку.

— Копию оставьте. Без фамилии женщины.

Через несколько недель появилось первое выступление, в котором Ратников назвал одну из дат календаря. Он говорил резко, уходил в сторону, спорил с ведущим; фраза о будущем европейском кризисе оказалась между шуткой и обвинением. Газеты пересказали шутку. Андрей сохранил полный текст.

Потом были другие выступления. Названные сроки сначала казались вызывающими догадками. Одни попадали в газетные колонки, другие жили в поздних телевизионных повторах. К календарю они возвращались без ссылки на календарь.

Серёгин однажды принёс Воронцову расшифровку эфира с пометками.

— Сравни.

Фраза о беженцах совпала с формулировкой из закрытого извлечения, которого не было у Элен. Кто-то в Москве продолжал снабжать политика материалами.

— Рогов?

— Возможно. Пока это означает только, что существует ещё один путь.

Тем вечером Андрей позвонил Элен. Она спросила, стал ли кто-нибудь проверять дело Жюльена.

Воронцов сказал, что запрос передан.

— Ты произносишь это уже третий раз.

Они давно перешли на «ты». Он не помнил, когда именно. Запомнил другое: в тот вечер Элен впервые закончила разговор сама.

Андрей долго смотрел на листок, который Ратников оставил на краю стола и позволил забрать. Вопрос про выгоду остался без ответа. Внизу, совсем мелко, была ещё одна строка:

«Почему самый громкий голос получает самую тихую бумагу?»

Глава 12. Закрытый эфир

Москва. Июль 2001 года

Инна Позднякова ненавидела слово «пророчество» задолго до того, как оно стало удобным телевизионным заголовком. Продюсеру нравились слова, обещающие зрителю больше, чем интервью. Инне потом приходилось сидеть напротив человека и делать вид, что обещание можно исполнить вопросом.

В этот раз гость задержался на сорок минут. В студии переставили воду, поправили флаг, заменили микрофон. Ратников пришёл с двумя папками и вместо извинения попросил показать точный список тем.

— Он у вас был вчера, — сказала Инна.

— Вчера у меня был список для вчера. Сегодня вы могли поумнеть.

Он прочитал лист, вычеркнул одну тему и написал рядом: «Цена зависимости». Продюсер показал Инне поднятый большой палец. Она отвернулась, чтобы не рассмеяться.

Запись началась с обычного спора. Гость перебивал, ведущая возвращала к вопросу, за стеклом считали минуты. Затем Ратников вдруг назвал конкретный срок будущего европейского кризиса. Инна переспросила.

— Откуда дата?

— Из календаря.

Он улыбнулся, и в комнате тоже улыбнулись. Все решили, что это очередная шутка.

— Из какого календаря?

На секунду он замолчал. Повернул карандаш между пальцами, посмотрел на камеру, затем на человека у двери.

— Из того, который никто не хочет показывать полностью.

Инна не стала поддерживать смех.

— Вы говорите о документе?

— Я говорю о привычке заказывать политику вместе с последствиями, а потом удивляться счёту.

Он ушёл от ответа и произнёс длинную речь. В ней было достаточно резкого для вечернего выпуска. Продюсер перестал требовать уточнения.

После записи Инна подошла к гостю в коридоре. Ратников пытался застегнуть папку, из которой вываливались листы.

— Вы можете подтвердить источник без раскрытия содержания?

— Для чего?

— Чтобы потом не сказали, что мы вставили дату после события.

Он перестал возиться с папкой.

— Вот это сохраните, — сказал и отдал ей лист с собственноручно написанным числом. — Но не делайте из меня часовщика. Я говорю, что кто-то назначает время. Это не значит, что стрелки ему принадлежат.

Позднякова поместила лист в редакционную папку вместе с полной записью. В выпущенный сюжет вопрос о документе не вошёл: фрагмент оказался длинным, а смысл «неясным для массового зрителя». Она возражала ровно до того момента, когда поняла, что спор перенесёт выпуск. Потом согласилась сократить. У неё было много хороших причин, и ни одна не касалась смысла разговора.

Через неделю к ней пришёл Воронцов. Представился, показал удостоверение, объяснил, что составляет служебное сопоставление публичных высказываний. Не требовал оригиналов. Не сказал, кого подозревает. Попросил полную запись и сведения о времени изготовления копии.

— Вы хотите проверить его или нас?

— Сначала понять, что было сказано.

Инна провела его в монтажную. На полу стоял вентилятор, почти бесполезный рядом с нагретой аппаратурой. Андрей смотрел запись, сидя на краю сломанного кресла. Когда прозвучал вопрос об источнике, он попросил остановить.

— Почему этого нет в эфире?

— Потому что мы делали короткий сюжет.

— Но без этого...

— Я понимаю, без чего. Сейчас понимаю лучше.

Они больше не спорили. Инна оформила выдачу копии по редакционному порядку. К ней приложили сведения о полной записи, не обещая вечного хранения оборудования, форматов и чужой памяти.

У двери она спросила:

— Если событие произойдёт, что вы будете делать?

— Сравнивать.

— А если не произойдёт?

— Тоже.

— Тогда вы будете первым, кто придёт за этим к нам.

Андрей запомнил её фамилию. Ему понравилось, что она не оправдывала монтаж необходимостью «говорить с людьми на их языке». Она просто признала собственное решение. В мире служебных бумаг такое признание встречалось реже, чем секретные сведения.

Вечером он рассказал Серёгину о человеке у студийной двери. В списке присутствовавших значился сотрудник организации, выполнявшей аналитические поручения Рогова. Само присутствие было объяснимым. Необъяснимым оставалось, почему в его руках Андрей заметил лист со знакомой последовательностью абзацев.

— Ты видел текст?

— Нет. Только расположение.

— Тогда так и запиши.

Андрей записал. Позже, когда стали известны другие обстоятельства, ему очень хотелось вспомнить больше. Он открывал первоначальный лист и находил там короткую фразу: «Содержание документа не прочитано». Молодой Воронцов уже однажды удержал пожилого от удобной уверенности.

Глава 13. Между окнами

Прага. Октябрь 2002 года

Они сняли комнату с двумя окнами, выходящими в разные дворы. Элен выбирала её по фотографии: хотела свет. В действительности из одного окна виднелась стена, из другого — дерево, слишком близкое, чтобы понять, какое оно целиком.

Андрей приехал на два дня раньше конференции. Элен взяла короткий отпуск. На столе лежал городской план, которому предстояло остаться нераскрытым. Они много ходили, но всегда не туда, куда собирались.

Утром хозяйка принесла завтрак и спросила, супруги ли они. Воронцов не успел ответить.

— Нет, — сказала Элен.

Хозяйка кивнула с совершенным равнодушием. Андрей почувствовал раздражение, которого не имел права предъявить.

— Можно было не отвечать так быстро.

— Ты хотел, чтобы я сказала «пока нет»?

Он отвернулся к окну. Элен поставила чашку.

— Андрей, мы встречаемся в чужих городах. Иногда мне кажется, что ты лучше знаешь, как со мной прощаться, чем как быть рядом.

В этом было достаточно правды, чтобы он немедленно захотел найти несправедливость.

— Я бываю там, куда меня отправляют.

— А я там, куда могу приехать. Видишь, у каждого есть хорошее объяснение.

Ссора не разгорелась. Они были слишком рады встрече и слишком боялись истратить её на то, что не умели изменить. Это тоже стало привычкой: откладывать неприятное до дня, когда времени окажется больше.

В книжном магазине Андрей увидел детскую книгу с картинками и долго выбирал между двумя изданиями. Элен взяла третье.

— Почему это?

— Здесь девочка сама открывает дверь. В других ей всё время открывают.

Катя ещё не читала по-чешски. Это никого из них не остановило. На следующий день Элен написала к картинкам маленький русский текст на отдельных листках. Она сидела на полу, чтобы видеть весь разворот, и спорила с Андреем, какое слово понятнее пятилетнему ребёнку.

— Ты всё объясняешь существительными, — сказала она. — Дети хотят знать, что произошло.

Он посмотрел на собственную фразу: «В связи с наступлением темноты...» — и засмеялся так, что испугал её.

Они переписали текст. За этим прошло полвечера. О календаре не говорили ни разу.

Ночью Андрей проснулся от непривычного сквозняка. Элен открыла окно и стояла, завернувшись в покрывало. По её лицу он понял, что она плакала до того, как встать.

— Ты заболела?

Она покачала головой.

— Сегодня день рождения Жюльена.

Андрей сел. Он забыл. Она сообщала дату, когда они только познакомились, и потом ещё раз, в письме. Он помнил десятки чужих годов, к которым не имел никакого отношения, и не запомнил один, который был нужен ей.

— Почему не сказала утром?

— Хотела провести день не в расследовании.

Он подошёл, закрыл окно. Она позволила обнять себя, но не повернулась. Некоторое время Андрей стоял, чувствуя через тонкую ткань её напряжённую спину.

— Каким он был, когда сердился?

Вопрос удивил её.

— Очень вежливым. Слишком. Начинал складывать одежду.

— Одежду?

— Мог прийти ко мне, увидеть беспорядок, сердиться по другому поводу и сложить всё на стуле. Пока не заканчивал, не говорил.

Она рассмеялась, вытирая щёку краем покрывала. Потом рассказывала о брате почти час. О том, как он провалил первый экзамен по вождению, хотя объяснял всем правила. Как подделал для неё записку от матери, но поставил собственную подпись. Как приносил домой бездомных кошек и каждому объяснял, что животное остаётся «временно».

Андрей слушал. Человек, обозначенный в папках как аудитор, погибший при неустановленных обстоятельствах, постепенно занимал место в комнате.

Утром Элен нашла маленькую дорожную сумку, которую Андрей собирался отвезти дочери. Молния заедала. Она достала иглу из гостиничного набора и почти полчаса возилась с оторванным краем. Андрей сказал, что купит новую.

— Эту ты уже выбрал, — ответила она.

Перед расставанием он предложил приехать в Москву. Не на работу, просто к нему. Элен обрадовалась так быстро, что потом попыталась скрыть это деловым вопросом о сроках.

— Весной, — сказал Андрей.

— Какого года?

Он улыбнулся и не понял, что она не шутит.

В поезде Элен перечитала лист из конверта, который возила с собой почти два года. «Сказать прежде, чем просить доверия». Надпись выцвела на сгибе. Она достала чистую бумагу и начала письмо: «Я познакомилась с тобой не случайно».

За окном остановился другой поезд. Несколько минут вровень с её лицом находилось чужое окно. Пожилая женщина разламывала яблоко складным ножом и передавала половину мужчине напротив. Они делали это не глядя друг на друга, как совершают давно согласованное движение.

Элен сложила незавершённое письмо. Не порвала. Положила рядом с прежним листом. Ей ещё предстояло узнать, что сохранённое признание может быть такой же формой отсрочки, как уничтоженное.

Глава 14. Семьдесят третья страница

Женева. Ноябрь 2004 года

В гостиничном номере было два одинаковых кресла. Элен села на край одного, Андрей поставил мокрый зонт возле другого. Они не виделись девять месяцев и почему-то разговаривали так, словно встреча была деловой.

— Я больше не работаю у него, — сказала она.

— Знаю.

— От Павла?

Он кивнул.

— Ты мог спросить меня.

— Мог.

Она сняла часы. На запястье осталась светлая полоса. За три года Андрей научился различать её привычки: перед трудным разговором она освобождала руки, убирала со стола ненужные вещи, выпрямляла листы. Сейчас между ними не было ни одного листа.

— Что на семьдесят третьей странице?

Элен смотрела на часы.

— Список людей, которых можно вводить в работу через личную заинтересованность.

— Источники?

— Посредники. Источники, исполнители. Там было несколько категорий.

— Моё имя?

— Было.

За стеной кто-то уронил в ванну тяжёлый предмет. Они оба вздрогнули.

— Когда ты узнала?

— До нашего знакомства.

Андрей встал, прошёл к окну и остановился. По улице шёл мужчина, закрывая папкой голову от дождя. Воронцов следил за ним, пока тот не спрятался под навесом. Нужно было занять глаза чем-нибудь простым.

— Значит, записку о людях без паспортов ты прочитала после списка?

— Да.

— И разговор у окна?

— Я пришла познакомиться с тобой. Это было намеренно. Всё, что я сказала про брата, правда.

Он обернулся.

— Ты выбираешь, на какую часть вопроса ответить.

Элен положила ладони на колени.

— Я увидела человека, которого они собирались использовать. Подумала, что сумею прийти раньше. Я не знала, кому доверять. Ты единственный в списке работал с людьми, от которых не было никакой выгоды.

— И решила, что такого легче обмануть?

Она поморщилась, но не отвела глаз.

— В тот момент я решила, что такого стоит попробовать найти.

Андрей вернулся к креслу. Он мог уйти, позвонить Серёгину, описать признание словами, делающими его неучастником. Но тело помнило их встречи лучше, чем память хотела сейчас признавать. Элен спала, поджав одну руку под щеку. Смеялась над его серьёзностью в магазинах. Однажды весь вечер чинила замок на сумке его дочери, которую даже не видела.

Он был разведён ещё до Нью-Йорка. Это упрощало объяснения с другими людьми и ничуть не помогало объясниться с собой.

— Почему говоришь сейчас?

— В майской строке календаря была указана смена попечителя фонда. Двенадцатое число. Она произошла двенадцатого. Я нашла протокол. Там значится Брей.

— Это могло быть обычное заранее назначенное собрание.

— Да. А мы три года обсуждаем, знают ли они будущее. Возможно, они просто знают собственное расписание. Только в других строках стоят войны.

Из внутреннего кармана пальто она вынула сложенный лист. Семьдесят третья страница. Возле фамилии Воронцова имелось сокращение «CR-17».

— Что оно означает?

— Я всё ещё не знаю.

— Ты снова отдаёшь не всё?

— Сейчас всё, что есть.

Андрей сфотографировал страницу при ней, потом позвонил Серёгину и сообщил, что источник заранее знал о включении дипломата в чужой список. Собственную связь с Элен он тоже указал. Говорить оказалось легче, чем ждать ответа.

— Приезжай, — сказал Павел. — Оба приезжайте. Но по отдельности.

Воронцов убрал телефон.

— Ты останешься? — спросила Элен.

Он посмотрел на второе кресло.

— Сегодня останусь здесь.

Ночью она проснулась от его кашля. Нашла стакан, налила воды. Андрей принял его, не касаясь её пальцев.

Глава 15. Условие выдачи

Женева. Февраль 2005 года

На двери Лукаса Вельта стояло две фамилии. Второй владелец умер семь лет назад, но вывеску не меняли: его дочь сохраняла долю в помещении и считала это достаточной причиной. Элен узнала историю позже. При первом посещении ей показалось, что здесь даже смерть не служит основанием убрать имя.

Вельт не предложил ей сесть, пока не проверил паспорт. Сравнил фотографию, записал номер, вернул раскрытым. На столе лежала её просьба предоставить сведения о поручении Жюльена.

— Я могу подтвердить, что ваш брат обращался, — сказал он. — Не могу подтвердить вам содержание всех его поручений.

— Я ближайшая родственница.

— В отношении наследства это имеет значение. В отношении документов других лиц — не всегда то, на которое вы рассчитываете.

Элен оставила сумку на коленях. Если поставить на пол, придётся признать, что разговор может затянуться.

— Он погиб.

— Мне известно.

— Вы произносите это как дату.

Вельт снял очки. Около стекла застрял короткий белый волос.

— Ваш брат пришёл ко мне именно потому, что хотел, чтобы я исполнил его распоряжение после его смерти так же, как исполнил бы при жизни. Если я изменю его из жалости к вам, это будет моё распоряжение.

Она ненавидела его в ту минуту. И уже понимала, почему Жюльен выбрал такого человека.

Вельт показал разрешённую часть описи: названия разделов, количество конвертов, даты поступления. Поручение предусматривало несколько разных условий. Одно касалось подтверждения отдельного банковского платежа. Другое — появления соглашения, точно описанного по механизму, но не по будущему названию. Третье защищало свидетельства людей, которым требовалось время, чтобы выйти из договорных отношений.

— Откуда он мог знать, что соглашение появится?

— Он не писал, что оно появится. Он писал, что делать, если появится.

— А если не появится никогда?

— Есть конечный срок хранения и другой порядок открытия. Вы их сейчас не являетесь получателем.

Элен встала, прошла к двери и вернулась.

— Вы хоть понимаете, что это может защитить людей, которые его убили?

— Я не знаю, убили ли вашего брата. Если появится требование компетентного органа, оно будет рассмотрено. Я не обещаю, что отказал бы законному требованию. Я отказываю вашей частной просьбе выйти за пределы поручения.

Она долго смотрела на опись. В ней не было самого страшного: даты, когда она перестанет пытаться.

На улице Элен позвонила Андрею. После женевского признания они говорили осторожно, без прежних маленьких разговоров о покупке еды и смешных пассажирах. Каждый звонок начинался с вопроса, удобно ли, и на этом терял часть смысла.

— Он не дал, — сказала она.

Андрей попросил назвать точную причину. Элен повторила её, стараясь не передать злость. Когда закончила, он спросил:

— Что он всё-таки подтвердил?

— Что Жюльен был там. Что пакет существует. Что я не могу его получить.

— Это больше, чем было утром.

— Ты не представляешь, как я устала от слова «больше».

Андрей замолчал. Прежде он стал бы объяснять значение каждого подтверждения. Теперь лишь спросил, есть ли ей где переночевать.

Она ответила, что есть. Это было первое за несколько месяцев предложение, которому она поверила без проверки.

Вечером Вельт сам позвонил в гостиницу. Сообщил, что в пределах разрешённой части поручения нашёл личное письмо. Его можно получить при повторном предъявлении паспорта. Элен раздражённо сказала, что паспорт у неё всё тот же.

— А человек, который придёт завтра, может оказаться другим, — ответил он.

Письмо было коротким. Жюльен просил не подписывать документы о принятии его профессиональных обязательств. Писал, что часть ошибок совершил сам, и хотел, чтобы она это знала до того, как услышит от чужих людей. В конце сообщал номер коробки с семейными фотографиями, оставленной у его соседки.

Элен перечитала последнюю строку трижды. Она думала, что брат забыл про фотографии. Оказалось, успел записать и их.

— Он был уверен, что умрёт? — спросила она.

Вельт покачал головой.

— Он собирался сменить работу. Просил адрес хорошего бухгалтера для частной практики. Человек, который готовит защиту на случай беды, не обязательно отказывается от будущего.

На обратном пути Элен купила дешёвый альбом. Фотографий с собой не было. Она поставила его на стол в гостинице, открыла чистые карманы, закрыла. Затем впервые за долгие недели написала Андрею не о документах: «Он хотел открыть своё дело. Я этого не знала».

Ответ пришёл ночью. «Расскажешь, когда увидимся».

Она не знала, означает ли это прощение. Но в предложении существовала следующая встреча.

Глава 16. Совет без протокола

Окрестности Брюсселя. Май 2007 года

Томас Брей опоздал к собственному заседанию. На дороге случилась авария, водителя развернули, и сорок минут пришлось ехать мимо одинаковых садов, в которых люди собирались обедать. Брей смотрел на мангалы, мокрые столы и детские велосипеды с той неприязнью, какую испытывают к чужому отдыху люди, считающие свой труд историческим.

В зале уже сидели шестеро. Кресло во главе стола никто не занял, но Элеонора Восс успела открыть папку и начала обсуждение без него. Это было хуже занятого кресла.

— Мы рассматриваем отказ северного участника, — сказала она. — Согласие двух других его не заменяет.

Брей снял пальто и отдал помощнику. Дождался, когда закроется дверь.

— На предварительное обсуждение кворум не требуется.

— Тогда решения сегодня не будет.

У стены стояли два подсвечника с эмблемой старой логи. Их привозили вместе с архивом для церемониальной части заседаний. Восс однажды спросила, кто оплачивает перевозку. Брей решил, что она насмехается. В действительности вопрос попал в её финансовую таблицу рядом с арендой зала и ужином.

В «Меридиане» существовали настоящие ритуалы и люди, для которых они что-то значили. Брею это нравилось. Обычный деловой союз распадался при изменении доходности; союз, назвавший себя братством, ещё некоторое время стыдился распада. Эти несколько месяцев иногда стоили дороже любого фонда.

Он открыл новый расчёт. Европейская промышленность зависела от дешёвых ресурсов, долгого кредита и внешних гарантий. Участники обсуждали, какие сочетания кризисов могут заставить правительства принимать дорогие решения быстро. Никто не управлял всеми сочетаниями. Брей не обещал такого даже своим. Он предлагал оплачивать людей и предложения, которые окажутся ближе к столу в подходящий момент.

— У вас в сумме учитывается одна и та же уступка дважды, — сказала Восс.

— В разных фазах.

— Один актив не становится двумя оттого, что вы дважды меняете его название.

Человек с повреждённым пальцем, которого Элен видела в январе 2001 года, постучал ногтем по стакану. Его звали Ричард Хейл. Он представлял транспортную группу и не любил обсуждать очевидное в присутствии консультантов.

— Правительство может вернуть контроль после кризиса. Тогда ваше долгосрочное обеспечение исчезает.

— Для этого ему придётся выкупить собственное решение, — ответил Брей. — По новой цене.

— Или изменить правила.

— Поэтому нужны разные страны и разные сроки.

Восс перевернула страницу.

— Поэтому у вас слишком много мест, где всё может не сработать.

Брей улыбнулся.

— Элеонора, если бы риск отсутствовал, мы бы сейчас обсуждали банковский вклад.

Те, кто хотел улыбнуться, улыбнулись. Другие продолжали смотреть в расчёт.

Русский участник на этом заседании присутствовал через представителя. Рогов передал замечания о том, что национальные интересы нельзя превращать в основание иностранных выплат. Фраза была великолепной. Под ней стояло требование изменить порядок начисления вознаграждения его аналитическому центру.

Восс прочитала вслух оба пункта. Брей попросил не смешивать политическую лексику с хозяйственными вопросами.

— Они уже смешаны в одном договоре, — ответила она.

После перерыва перешли к преемственности. На большом листе значились 2022, 2032, 2040, 2065, 2089 и 2100 годы. Дальние даты относились к пересмотру прав и контролю резервов. В версии для новых участников они выглядели как этапы политической истории.

Хейл потребовал убрать 2089 год.

— Ни одного из нас не будет.

— Будут ваши наследники.

— У меня дочь занимается морской биологией.

— Ей не обязательно заниматься нашими вопросами, чтобы получать доход.

— А если она не захочет получать его таким способом?

Брей поднял голову. Он не любил вопросов, в которых отказ выглядел возможным без финансовой ошибки.

— Тогда передаст право другому участнику.

— По цене, которую определите вы?

Восс молча подчеркнула пункт. Позднее именно её подчёркивание позволит понять, когда совет впервые открыто заговорил о том, что преемственность может стать принуждением.

К вечеру три решения отложили. Одно приняли с оговорками. Брей велел помощнику подготовить итоговую справку для внешнего круга. В справке отложенные пункты превратились в «принятые к поэтапному осуществлению». Это не было полной ложью: их действительно не отклонили окончательно. Такая близость к правде служила лучшим средством защиты.

Восс задержалась у двери.

— Вы опять сделали чистый календарь.

— Людям нужен порядок.

— Им нужен текст решений.

— Людям, которые принимают решения, да. Людям, которых нужно убедить, — порядок.

Она застегнула сумку. Брей вдруг увидел её возраст: усталую кожу у висков, седую прядь, которую она перестала красить. Он привык считать её частью системы хранения, почти мебелью. Теперь перед ним стоял человек, у которого оставалось меньше времени на оправдание прежней работы.

— Вы слишком близко приняли историю Марсо, — сказал он.

— Я приняла замечания аудитора. Это входило в мою работу.

— Он ошибался.

— В пяти местах. Он сам их перечислил.

Брей промолчал.

Восс ушла с копией рабочей редакции. У неё было право её получить. Он не мог запретить, не объяснив другим участникам, почему их собственные исправления следует от них же прятать. Некоторое время Брей смотрел на дверь, затем велел заменить дату следующего заседания. Совершенно обычное действие. В справке для внешнего круга прежняя дата сохранилась.

Глава 17. Человек с долговой книгой

Марсель. Февраль 2011 года

Реми Фальк жил над мастерской по ремонту лодочных моторов. Днём в квартире пахло маслом, по ночам — холодной штукатуркой. Элен спросила, почему он выбрал такое место. Фальк ответил, что здесь никто не удивляется тяжёлым ящикам и человеку, который разговаривает сам с собой.

Он постарел заметнее, чем она ожидала. Раньше его осторожность казалась чертой характера. Теперь в ней ощущалось физическое усилие. Он дважды проверил, закрыл ли окно, и попросил её говорить в другое ухо.

На кухонном столе лежала долговая книга. Настоящая, прошитая, с исписанными полями. В электронных выписках было больше сведений, но меньше истории: исправления исчезали из обычного просмотра, участники меняли наименования, и прежние фамилии приходилось восстанавливать отдельно. Фальк хранил книгу потому, что помнил собственные пометки.

— Эта запись ваша? — спросила Элен.

— Да.

— Вы принимали участие?

Он закрыл ладонью строку, будто хотел вернуть её себе прежде ответа.

— Я оформлял передачу обязательств. Считал, что смысл проверили до меня.

— Жюльен тоже так считал?

— Сначала. Потом перестал.

Элен положила на стол фотографию брата. Фальк посмотрел и отвернулся.

— Не нужно. Я его помню.

Она не убрала фотографию.

В книге существовала особая категория выплат. Право на них переходило к преемнику при выполнении заранее определённого условия. Одни условия были хозяйственными: смена концессионера, истечение срока, переоценка долга. Другие зависели от решений государственных органов. На границе между ними появлялись акты с одинаковыми формулировками, не объяснявшие реальной услуги.

— Это мог быть обычный рискованный контракт, — сказала Элен, повторяя слова, которые за десять лет научилась слышать заранее.

— Мог. Поэтому я принёс переписку о том, что должны были сделать до подписания акта.

Фальк разложил письма по датам. В одном просили задержать экспертное заключение. В другом — направить заранее подготовленную оценку определённому получателю. В третьем обсуждали, как представить отказ аудитора результатом его личных затруднений. Суммы сами по себе ничего не объясняли. События вокруг сумм меняли картину.

На конверте с письмами стояло имя сотрудника, который собирался подтвердить происхождение документов. Стефан Лорен. Элен прежде о нём не слышала.

— Где он?

— Придет завтра. Хочет говорить один раз, с человеком, который сможет оформить показания. Не с журналистом.

— Почему вы не сделали этого раньше?

Фальк посмотрел на свои руки. Кожа на костяшках была сухой, с красными трещинами.

— Потому что тогда мне пришлось бы отвечать раньше.

Элен приготовилась услышать страх за семью, болезнь, обещание, которое его удерживало. Прямой ответ оказался хуже: он лишал её возможности легко разделить людей на спасающих и мешавших.

Она позвонила Андрею. Он просил не идти на следующую встречу без Серёгина, объяснял, что имя нового свидетеля нужно проверить. Элен спросила, сколько займёт проверка.

— Я не могу назвать срок за Павла.

— Тогда ты просишь меня отказаться от срока, который есть.

— Я прошу тебя не ехать одной.

— А ты приедешь?

Воронцов молчал. У него был официальный визит, билеты, люди, зависевшие от его присутствия. Он мог отказаться, но ещё не решил, что имеет право.

— Поняла, — сказала Элен.

— Нет, ты не поняла.

— Тогда приезжай и объясни.

Она закончила разговор и некоторое время держала телефон возле уха. Фальк не пытался утешить. У него на плите остывала еда, которую никто не собирался есть.

Стефан приехал на следующий день. Невысокий мужчина в новом пальто, заметно не подходившем к его старой обуви. Прежде чем сесть, попросил воды. Выпил залпом и сам принёс ещё стакан.

— Я не знаю всей системы, — сказал он. — И не хочу, чтобы потом написали, будто знал.

Элен предложила начать с того, что он делал сам. Стефан работал с приложениями к платежам. В его распоряжении были копии распоряжений, номера и часть переписки. Он помнил, кто попросил изменить дату одного акта. Помнил, что возражал. Не мог доказать собственное возражение.

— Это всё равно нужно записать, — сказал Фальк. — Отдельно от того, что подтверждается.

Они работали до позднего вечера. Стефан несколько раз выходил курить на лестницу. Возвращаясь, садился, исправлял собственный рассказ. В какой-то момент признался, что первое объяснение подготовил так, чтобы уменьшить свою роль.

Элен устала до головной боли. Ей хотелось сказать, что больше нет времени на чужую ложь. Но именно в этот момент перед ней впервые возник рассказ, которому можно было противопоставить документы.

На следующее утро она должна была отвезти папку. Поездку перенесли: у Фалька появился разговор, который он не хотел откладывать. Стефан предложил отвезти материалы вместо неё. Элен отдала ему сумку, где вместе с папкой лежал конверт с копиями её документов для другого обращения. Спихватилась уже после его отъезда.

Фальк махнул рукой.

— Он привезёт вечером.

Вечером Стефан не позвонил. На следующее утро у подъезда стояли люди, которых Элен прежде не видела. Один спросил, давно ли она знает жильца верхней квартиры. Она ответила не сразу — и заметила, что второй человек уже знает её имя.

Глава 18. Чужая смерть

Марсель — Москва. Март 2011 года

Извещение о гибели Элен занимало полстраницы.

Автомобиль. Просёлочная дорога. Пожар. Личность установлена по документам и косвенным признакам. Для уточнения сведений родственникам предлагалось обратиться по указанному номеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.